

**ТРОЙСТВЕННЫЕ ОБЯЗАННОСТИ В КОНТЕКСТЕ НАЗИДАТЕЛЬНОЙ И
УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ**

МАРГАРИТА АНАТОЛЬЕВНА КОРЗО

Институт философии Российской Академии наук

korzor@mail.ru

**THE TRIPLE DUTIES IN THE DEVOTIONAL AND INSTRUCTIVE LITERATURE
IN THE EARLY MODERN TIME**

MARGARITA A. KORZO

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Abstract

The article is dealing with the transformation of the triple classification of the sin to the concept of the triple duties: to God, towards oneself, and to others, which are further analyzed on the basis of various genres of the sixteenth- and seventeenth-century Catholic devotional and instructive writings. The duties to others are revealed through the prism of justice, which is regarded as the basic principle of the regulation of inter-human relations. The orientation of this literature on the practical preparation for confession explains the preoccupation of the „popular“ religious discourse with the negative morality and the definition of moral demands in the form of negative obligations and prohibitions. A gradual shift from negative to positive obligations in the eighteenth century is accompanied by an increase in the degree of rigorism of moral demands imposed on Christians.

Keywords: Catholic devotional and instructive literature, Early Modern Time, triple duties

В раннее Новое время одним из важных каналов, посредством которого верующие получают представления о своих обязанностях как членов христианской общины, семьи, определенной социальной или профессиональной группы; о неподобающем и должном; с помощью которого им предлагаются готовые сценарии достойного поведения в конкретных жизненных ситуациях становится разнообразная в жанровом отношении назидательная и учебная литература. Понятие „назидательная литература“ (или „религиозная назидательная литература“) в большей степени передает смысл немецкого термина *Erbauungsliteratur* (он появляется впервые в XIV в., но входит в широкое употребление лишь в XVII–XVIII вв.), нежели пусть и очень близкого ему по значению

английского *christian devotional literature* (Procopé, Mohr and Wulf, 1982). Важной особенностью всех этих текстов является их сугубо прикладной характер и отсутствие развернутой теоретической аргументации: представления о том, как необходимо поступать, преподносятся в виде готовых предписаний или выводятся на основе анализа конкретных казусов из повседневной жизни.

К наиболее распространенным жанрам можно отнести различного рода „зеркала“ грехов и добродетелей, „таблицы обязанностей“ отдельных социальных и профессиональных групп (как развернутое толкование на 5-ю и 6-ю главы Послания апостола Павла к Ефесянам), толкования заповедей Декалога (например, в составе катехизисов); тексты „испытаний совести“ (*examen conscientiae*), буквари, книги для чтения, детские журналы и многое другое (Haemig, 2015: 66–80; Strauss, 1976: 157, 163; Weidinger, 1928; Корзо, 2020).

Адресатом всех этих многообразных в жанровом отношении назидательных сочинений выступала в первую очередь не ученая публика, посещавшая университетские курсы и читавшая (а зачастую и сочинявшая сама) трактаты моралистического характера. Речь идет о довольно широкой аудитории верующих, значительная часть которых не имела непосредственного контакта с письменным словом, но воспринимала адресованные ей нравственные предписания посредством разных форм устного наставления: через проповедь, заучивание наизусть катехизисов, песнопения, др.

Одним из важных тематических блоков назидательной и учебной литературы становятся разделы о тройственных обязанностях – по отношению к Богу, самому себе и ближнему. Концепт тройственных обязанностей вырастает из одной из классификаций греховных поступков, которые человек совершает по отношению к Богу, ближнему и самому себе. Данная классификация появляется не позднее XII в. в приписываемом Гуго Сен-Викторскому (1096–1141) трактате *Собрание сентенций*; классификацию повторяет Петр Ломбардский (ум. 1160), несколько видоизменяя классификацию и перенося грехи по отношению к самому себе с первого на последнее место, а в более развернутой форме ее анализирует Фома Аквинский (ок. 1225–1274) в *Сумме теологии* (I–II, q. 72, a. 4).

Фома выделяет данные грехи по критерию лица, в отношении которого совершается неупорядоченное действие или такое действие, которое нарушает

существующий в человеке тройственный порядок (*ordo*). Человек может нарушить данный порядок или преступив Божье право, которым ему надлежит руководствоваться (и это грехи против Бога); или нарушив правила, установленные разумом, ибо все действия и страсти должны быть соразмерны требованиям разума (и это грехи против самого себя); также нарушив законы социального общежития, поскольку человек – это существо социальное (и это грехи против других людей). Данные грехи Фома рассматривает как три связанных между собой круга: малый в середине символизирует неупорядоченные действия по отношению к ближним, более крупный вокруг первого – по отношению к самому себе, а самый большой круг, включающий два предыдущих – неупорядоченные действия по отношению к Богу, поскольку любой грех есть в первую очередь преступление против Бога (Sweeney, 2002: 153). С тройственной формой греха корреспондирует и тройкого рода наказание, которое постигает грешника: от Бога, от людей и от самого себя (в виде угрызений совести) (I–II, q. 87, a. 1).

У Аквината встречается еще одна триада, которая привязана к описанному концепту тройственной разновидности греха, а именно одна из его классификаций добродетелей, выступающих в качестве оппозиции к названным неупорядоченным действиям: грехам по отношению к Богу противостоят богословские добродетели (вера, надежда, любовь); по отношению к самому себе – умеренность или владение собой (*temperantia*); по отношению к ближним – справедливость (*iustitia*) (I–II, q. 72, a. 4).

Впоследствии тройственная классификация греха тиражируется у комментаторов *Суммы теологии* вплоть до раннего Нового времени и в крупных компендиумах по моральному богословию, начиная, по крайней мере, с эпохи Антонина Флорентийского (1389–1459) (Antoninus Florentinus, 1571: 178v.). Встречается она также и в различного рода практических пособиях по отправлению таинства покаяния: например, в *Сумме для исповедников* Раймунда из Пеньяфорте (1175–1275), которая задала модель для позднейших сочинений этого жанра, служивших основным каналом трансляции сформулированных в „высоком“ моральном богословии представлений на повседневную практику исповеди.

К XVI в. тройственная классификация грехов постепенно трансформируется в религиозном дискурсе в рассуждение о тройственных обязанностях: грехи против Бога, себя и других есть нарушение обязанностей христианина по отношению к Богу, самому

себе и ближнему. Сама категория „обязанностей“ оказалась в центре морального рассуждения значительно ранее – еще в эпоху усиливающегося влияния номиналистов; а для католического богословия XVI–XVII вв. характерно окончательное становление моральных систем, в которых данная категория является ключевой. Даже богословские добродетели превращаются лишь в одну из частных тем, служащих для классификации различного рода *obligationes* (Pinckaers, 2001: 248–251, 261–266).

Рассмотрение тройственных обязанностей в назидательной и учебной литературе раннего Нового времени в целом воспроизводит логику сочинений „высокого“ богословия. Можно выделить четыре основные тенденции, которые доминируют в анализируемую эпоху. Во-первых, это постепенный отход на второй план специфических обязанностей по отношению к Богу. Вторая тенденция заключается в том, что обязанности человека по отношению к самому себе выходят на первое место, становятся первичными перед обязанностями по отношению к другому человеку. Такая смена очередности аргументируется заповедью о любви к ближнему: поскольку самый ближний для каждого человека – он сам, то и начинать деятельно любить другого надо с самого себя. К тому же забота о самосохранении и самосовершенствовании (как умственном, так и нравственном) является важной предпосылкой выполнения обязанностей христианина по отношению к другим людям. Третья тенденция – обязанности по отношению к ближним рассматриваются преимущественно как ненарушение их прав, раскрываются через призму понятия „справедливость“. Именно справедливость становится основным, доминирующим над милосердием, принципом регуляции межчеловеческих отношений, а разделы о справедливости и ее конкретных выражениях в повседневной жизни становятся одними из самых пространных в сочинениях назидательного жанра, но также и в учебной литературе (Pinckaers, 2001: 231–232). Мерилом справедливости измеряются и милосердные поступки – например, милостыня, которая выступает, в том числе, и как один из важных механизмов перераспределения материальных благ в обществе. В популярной литературе для верующих данный сюжет традиционно анализируется в контексте толкования заповеди Декалога „Не укради“.

Четвертая, доминирующая в раннее Новое время тенденция состояла в том, что в рассуждениях об обязанностях в назидательной и учебной литературах появляется и

получает со временем широкое распространение разделение обязанностей на „совершенные“ (или те, что выводятся из заповедей Декалога и обращены ко всем христианам без исключения) и „несовершенные“ (конкретизированные в евангельских советах (безбрачие, бедность и послушание) и евангельских блаженствах, которые обязывают только тех, кто стремится к высшим формам христианского совершенства). Сами понятия, заимствованные из восходящей к античности традиции стоиков, были переосмыслены в раннесредневековой богословской мысли. Разделение заповедей (как обязанностей несовершенных) и советов (совершенных) было введено в христианскую моральную мысль Климентом Александрийским (ок. 150 – ок. 215) и Амвросием Медиоланским (ок. 340–397) (Jonsen and Toulmin, 1988: 94–95, 141). Августин осмысляет их в контексте рассуждения о двух – меньшей и бóльшей – степенях совершенства или праведности. Первая из них выражается в свободе от греха, а потому имеет негативный характер; вторая – в способности совершать добрые поступки по собственному произволению. Эта высшая степень праведности недостижима в полной мере в нынешней жизни (Schumaker, 1992: 11). Впоследствии к этой теме обращался Фома Аквинский (ST II–II, q. 32, a. 2) (Schumaker, 1992: viii, 9, 11, 17), она становится предметом рефлексии и в компендиумах по моральному богословию раннего Нового времени. Так, уже Антонин Флорентийский подробно останавливается на отличиях между „заповедями“ и „евангельскими советами“ (Antoninus Florentinus, 1571: 261v.).

Тройственные обязанности преподносятся в назидательной и учебной литературе преимущественно в форме негативных обязанностей и запретов, воспроизводя логику морального богословия раннего Нового времени. Лишь в XVIII в. заметны тенденции по смещению акцентов с негативных обязанностей на позитивные. В адресованной широким кругам верующих назидательной литературе эти исподволь происходящие перемены находили свое выражение, например, в постепенном уравнивании предписаний Декалога и евангельских блаженств из Нагорной проповеди, которая провозглашает моральный героизм в качестве обязательного для всех последователей Христа, а не только для избранных (Lillicrap, 2016). В эпоху становления и расцвета католического морального богословия как сугубо школьной дисциплины, с ее сосредоточенностью исключительно на морально предосудительном, сам сюжет о евангельских блаженствах и евангельских советах был вытеснен из морального богословия в область аскетики и

мистики (Pinckaers, 2001: 232). И хотя перечисление заповедей блаженства присутствует, например, в постриженских катехизических сочинениях, они нигде, в отличие от Декалога, не выступают структурообразующим элементом этих текстов.

Постепенное смещение акцентов с негативных обязанностей на позитивные как в “высоком” моральном богословии, так и в „низовом“ религиозном дискурсе и назидательной литературе приводило к значительному росту позитивных ожиданий и к нарастанию степени ригоризма предъявляемых требований. Свое конкретное выражение данные перемены находили в том числе и в масштабных процессах социального дисциплинирования, которые затронули не только сферу публичного, но и приватно-интимного поведения, сферы обычаев и межчеловеческих отношений.

ЛИТЕРАТУРА

Корзо, М. А. (2020). О формах и содержании нравственных назиданий в школьных учебниках и детских книгах для чтения (XVI – начало XIX века). Часть II. – В: *Человек*, (31/4), 147–164.

Antoninus Florentinus. (1571). *Summae Sacrae Theologiae pars prima*. Venetiis, apud Bernardum Iuntam & Socios.

Haemig, M. J. (2015). The Spread and Reception of Haustafel Literature in Europe. – In: *Entfaltung und zeitgenössische Wirkung der Reformation im europäischen Kontext*, Heidelberg, Gütersloher Verlagshaus, 66–80.

Jonsen, A. R., Toulmin, S. (1988). *The Abuse of Casuistry. A History of Moral Reasoning*. Berkeley; Los Angeles; London, University of California Press.

Lillicrap, M. (2016). Fulfilling the Heroic Ideal: A Triperspectival Approach to Christian Moral Heroism. – In: *Themelios*, (41/3), 413–426.

Pinckaers, S. (2001). *The Sources of Christian Ethics*. Edinburgh, T&T Clark.

Procopé, J., Mohr, R., Wulf, H. (1982). Erbauungsliteratur. – In: *Theologische Realenzyklopädie*, (10), 28–83.

Schumaker, M. (1992). *Sharing Without Reckoning. Imperfect Right and the Norms of Reciprocity*. Waterloo, Wilfrid Laurier.

Strauss, G. (1978). *Luther's House of Learning. Indoctrination of the Young in the German Reformation*. Baltimore; London, John Hopkins UP.

Sweeney, E. (2002). Vice and Sin. – In: *The Ethics of Aquinas*, Washington, Georgetown UP, 151–168.

Weidinger, K. (1928). *Die Haustafeln. Ein Stück urchristlicher Paränese*. Leipzig, J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung.